

ПОЛКОВОДЕЦ НОМЕР ОДИН

(Окончание. Начало на стр. 2–3)

Некролог был необычным. Ни до, ни после не помню таких слов в подобных официальных документах той эпохи:

“Один из выдающихся полководцев, воспитанных нашей партией, он отличался личной храбростью и большим человеческим обаянием... Личная скромность, чуткость к людям, беспримерное мужество и героизм в боях с врагами нашей Родины снискали ему всеобщую любовь и уважение”.

“Образ Константина Рокоссовского — славного, талантливого маршала, воина-героя, коммуниста и интернационалиста, благородного, скромного человека — навсегда останется в памяти воинов народного Войска Польского”, — писал Войцех Ярузельский.

Боевые товарищи решили сделать необычные похороны. То, что они придут в Колонный зал и на Красную площадь, было ясно. Маршалы, получившие это высокое звание на полях сражений, договорились, что они, а не члены Политбюро поднимут урну с прахом Рокоссовского и понесут к Кремлевской стене. А тогда еще были живы Жуков, Василевский, Конев, Тимошенко, Мерецков, Голованов, адмирал Кузнецов... Члены Политбюро должны идти за ними...

Однако эта необычность кому-то не понравилась, и похоронили не как планировали, в среду, а на день раньше, во вторник, и многих военачальников не было.

“Я, например, был твердо уверен, что похороны будут в среду, и сидел на даче”, — признался Голованов.

Урну несли члены Политбюро. Брежнев прослезился. “Раньше надо было плакать”, — сказала ему вдова, Юлия Петровна...

Я познакомился с ней много позже, когда впервые переступил порог их квартиры. Дом на улице Грановского стоит в барельефах бывших жильцов, как в орденах. Но почему-то до сих пор на нем нет мемориальной доски одному из самых прославленных его обитателей.

“Пробивать надо”, — услышал я потом, в квартире.

...Юлия Петровна сидела на полу. Она раскладывала фотографии.

— Вот Константин Константинович умерший... Это он еще до ареста... Вот его жена, — говорит она о самой себе. — Вот их дочь Ада. Она недавно застрелилась...

Я пытаюсь отвлечь Юлию Петровну от новой трагедии и показываю на фотографию двадцатых годов, где молодой комполка снят с молодой женой.

— Вот тоже Константин Константинович, — говорю я.

— Ой, как вы его узнали! — всплескивает руками Юлия Петровна.

Видно, что она уже очень больна. Такая жизнь не могла не оставить жестоких следов.

Листаю альбом и задерживаюсь на пачке писем. Это тоже легенда, романтическая история безответной любви незнакомой английской женщины к русскому генералу. Много лет писала ему письма некая Милзи, которую он никогда в жизни так и не увидел. И она его тоже. Влюбилась заочно, после Сталинградской битвы, когда его фотографии облетели весь мир. В своем доме она устроила для него комнату в русском стиле, собирала все, что связано с его именем.

Майская открытка с розовой ленточкой, написано печатными буквами по-русски: “Моему собственному возлюбленному кон от его преданной и вовеки верной Милзи. 1962 г.”.

...А вот листочек из блокнота, озаглавленный: “Мысли мои” (подчеркнуто):

“Необходимо решительно отказаться от устаревших методов ведения боевых действий. Правильно используя всю силу ядерного оружия, применять это оружие для ведения боя в новых условиях особенностями и силой этого оружия. (Нужно думать...)”

Оборона, как средство, заставит противника сосредоточить свои силы к районам обороны для нанесения по ним ударов ядерным оружием и перехода от нее к наступательным действиям.

О длительной обороне на одном месте не может быть и речи. Удар, преследование, остановка и опять удар...”

— А он так и делал, — говорит его внук, тоже Константин, тоже Рокоссовский, тоже высокий и красивый, тоже офицер только погоны пока не маршальские...

Он был сыном времени, думал о защите Отечества и в нужный момент, конечно бы, не дрогнул.

Много легенд о нем...

В одном застолье я узнал, что шампанское с медалями на этикетках называют “Рокоссовский”. Конечно, это уже черт знает что, но есть же коньяк “Наполеон”! Право, стоило завоевывать мир, чтобы твоим именем назвали напиток или торт...

И все-таки когда я думаю о Рокоссовском, то вижу перед собой снимок двух молоденьких конников, у которых все впереди — и страшные испытания, и мировая слава. Ратная служба их проходила вместе, и вот едут рядышком комдив Рокоссовский и комполка Жуков. И хоть долго, наверно, их будут сравнивать, оба достойны. Видно, прав В.М. Молотов, который сказал мне как-то:

— По характеру для крутых дел Жуков больше подходил. Но Рокоссовский при любом раскладе в первую тройку всегда войдет. А кто третий — надо подумать...

И через много лет те же два конника едут навстречу друг другу по Красной площади, и Рокоссовский, сдерживая коня и собственную улыбку, докладывает своему давнему сослуживцу Жукову:

— Товарищ Маршал Советского Союза! Войска действующей армии и частей московского гарнизона для Парада Победы построены!

И передает свернутый трубочкой рапорт. Они едут рядом на белом и вороном конях, и под копытами — поверженные знамена германского вермахта.

Это — бессмертие.

Феликс ЧУЕВ